

Салиху Хочиеву

1

Ты помнишь, друг?
Однажды в Хасанью
Мы шли через фруктовые сады,
Вокруг дышали запахи родные:
Так сладко пахли спелые плоды!..
И нынче, в русской местности старинной,
Меня нет-нет овеет зимний бор
Благоуханием лесной малины —
Любимым с детства ароматом гор.
Дорога извивается, как лента,
Уводит вдаль — пустынна и бела,
Но вот нежданно горская легенда
Скользнет по ней, как будто тень орла...
Иль вдруг тропа, ведущая в ущелье
Покажется средь снежной пелены...
Чинар на ней ковры из листьев стелет,
Мои следы на пей едва видны.
И ухо слышит, ухо слышать радо,
Как лист осенний падает, кружась...
Что даже «дым отечества нам сладок»
Всем сердцем ощутил я лишь сейчас.
Вы, горы! Вы навеки нерушимы
В душе моей, хоть вы и далеки!
Сияющие снежные вершины
Мне указуют путь, как маяки.
Ты с детства мне предстала светлой целью,
Чегемских гор высокая семья!
Подобно туру, по камням ущелья
Всходила песня первая моя.
Я — горец... Как люблю я это слово!
С ним вместе и отвагу я обрел.
Крылатое, оно звучит сурово,
Средь прочих слов оно и впрямь — орел!
И мы его поднимем, не роняя,
Ничем не запятнаем на войне...
Приятна мне земля любого края,
Но камни гор всего милее мне!
Да, камни с глиной, вы — всего дороже
Для нас, бойцов, родившихся в горах!..
Поверженные наземь, в смертной дрожи
Целуем мысленно бесценный прах.
За честь земли своей все вместе встанем

Неразделимым воинством одним,
В бою, в беде жестокой не обманем,
Что не случись — ее не предадим!
И если хоть один меж земляками
Задумает навлечь на нас позор,
В него — клянусь! — я, первый, брошу камень
Презренья — острый камень наших гор!

2

Сегодня утром, став на лыжи,
Я в зимний бор направил бег...
С ветвей, чуть подойдешь поближе,
Слетал сухой и легкий снег.
Вокруг — как в сказке небывалой
Иль, может быть, как в царстве сна...
На сосны юные упала
Бураном сбитая сосна
И оперлась, привстав стараясь,
О хвою тоненьких ветвей,
Точь-в-точь, как ослабевший старец
О плечи юных сыновей.
И столько белизны и света,
Спокоен этот край сосны,
Как будто в мире больше нету
Ни зла, ни горя, ни войны.
Тропинка с каждым шагом — глуше,
Взлетая, вьется снежный прах.
Вон заяц, наостривший уши,
Метнулся, вновь исчез в снегах...
И тишина стоит такая
В большой стране, в лесном краю,
Что, кажется, я здесь твою,
Россия, душу постигаю!

3

Нынче снегом он засыпан весь —
Этот русский городок старинный.
Достоевский жил когда-то здесь.
Может быть, в такой же вечер длинный
Он бродил по улицам глухим,
Глядя на бревенчатые срубы,
Думал о своем, смотрел, как дым
В небо зимнее возносят трубы.
Достоевский был когда-то тут...
Снег неслышно падает в тумане.
В этом старом городе живут

Летописей древние преданья.
Ветры набегают с Ильменя,
Как в былые годы силы вражьи.
Сосны встали, снег собой темня,—
Словно войско русское — на стражу
Снег ложится... Он идет с утра,
Звездочки его легки и хрупки...
На плечах пронесит два ведра
Женщина в овчинном полушубке.
Напевает... И напев степной
Сердцем здесь впервые понимаю...
Но они, как прежде, предо мной —
Горы моего родного края.
Там, где поднебесные снега,
Мой народ — отважный и упорный...
Каждая земля мне дорога,
Все ж я — сын моей земли нагорной.
Каждый город близок мне, как всем,
Я чужой обычай не порочу,
Но аул, где пенится Чегем,
— Что скрывать? — он все же ближе прочих.
Матерей привык я уважать,
Все они глубоко мною чтимы,
Но моя стареющая мать
От моей души неотделима.
Дымный наш очаг — всегда со мной
Дух чурека, теплый запах хлеба...
Не расстаться нам с родной землей,
Словно птице — с синевою неба.
Сосны русские... Равнины.
Степь, Реки, что под снегом спят устало,
С вами — я... Но гор любимых цепь
Навсегда мне душу оковала.
Избы русские... Огонь в печах,
Я люблю вас!.. Вы мне стали ближе.
Но, однако же, родной очаг
Нынче ночью вновь во сне увижу...

4

На ослике поеду по дрова,
До темноты не возвращусь, бывало,
И мать моя, от страха чуть жива,
К соседям нашим погадать бежала,
Сегодня я — за далью снеговой,
Вокруг шумит российский лес сосновый,
И, слыша ветра монотонный вой,

Наш домик, мама, вспоминаю снова.
Те сказки, что рассказывала ты,
Встают воочию из дальней дали...
Лицо худое, милые черты
И складки неизменной черной шали...
Твой голос я ловлю в полубреду,
Мне чудятся слова в далеком гуле...
Я знаю — на вечернюю звезду
Сейчас глядишь ты — там, у нас, в ауле,
Здесь пахнет славно снегом и сосной,
Пустынные равнины неоглядны,
Но запах дыма, запах мне родной
Ловлю издали упрямо, жадно...
Мне кажется, что ты пошла опять
В ближайший дом...
Открыли дверь соседи,
И ты смущенно просишь погадать:
«Здоров ли сын мой?..
Скоро ли приедет?»
Гадать не нужно, добрая моя!
Твой сын здоров. Он учится упорно,
Как защищать родимые края —
Тебя и близких — от напасти черной.
Лишь мужество сейчас — надежный щит,
В нем — утешенье наше и опора.
Поверь, твоя любовь меня хранит...
Настанет день,— твой сын вернется в горы!

5

Нет, здоровый не поймет больного!
Что тебе до горя моего?!
Если губы рвут у вороного,
Слезы брызнут лишь из глаз его!
Что в голодном разумеет сытый?!
Я кажусь тебе угрюм и зол.
Если у орла крыло пробито,—
Силу боли знает лишь орел.

6

Собственным причудам потакая,
Жить решила для себя одной?!
Разве наша жизнь теперь такая?
Человек наш должен быть — иной!
Жить желаешь, на других не глядя?!
Ну, а я теперь среди людей,
Дом забывших, правды ради,

Ради счастья Родины своей.
Примерзают руки их к затворам,
Хлещут их безжалостно дожди...
Ты, кому родимый край не дорог,
Слышишь, больше ты меня не жди!
С женщиной, собою поглощенной,
Не останусь!.. Все оборвалось.
Не летать вовек орлу с вороной!
Наши кони побежали врозь!
Будь одна!.. Но старость хищной птицей
Налетит, когда пройдут года,
И не будет над тобой светиться
В черном небе ни одна звезда.
Людам до тебя не будет дела.
И за что любить тебя?.. Пойми!
Ты же без людей прожить хотела,
Вот и будешь брошена людами.
Будешь ты — чужая меж чужими.
Места нет тебе в душе моей!..
Позабудь меня!.. И даже имя,—
Слышишь? — имя вспоминать не смей!

1941, январь, февраль
Старая Русса